

ДЗЕЦІ
ВАЙНЫ

ПОД ПРИЦЕЛОМ
ВОЇНЫ

Леонид Емельянов

Под прицелом войны

«Четыре четверти»

Емельянов Л. Г.

Под прицелом войны / Л. Г. Емельянов — «Четыре четверти»,

ISBN 978-985-7103-68-3

Книга уникальна тем, что в ней Леонид Емельянов, ученый, доктор биологических наук, собрал воспоминания пятнадцати ученых-натуралистов — свидетелей и участников Великой Отечественной войны, которые в послевоенные годы стали исследователями науки и достигли в ней значительных успехов. Их искренние рассказы, воспоминания призывают представителей молодого поколения изучать историю своей страны и никогда не забывать, что за мир на родной земле заплачено жестокой ценой.

ISBN 978-985-7103-68-3

© Емельянов Л. Г.
© Четыре четверти

Содержание

Малые заложники войны	6
Дети войны	8
Враги сожгли родную хату	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Леонид Емельянов

Под прицелом войны

© Емельянов Л. Г., составление и лит. запись, 2016

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

Малые заложники войны

Правда эпохи должна быть сохранена в девственной неприкосновенности.

Только так.

Борис Васильев

Минуло 70 лет, как отгремели последние залпы Второй мировой – самой ужасной из всех случившихся на Земле войн. В развязанной Гитлером бойне погибло 58 миллионов человек, в том числе 28 миллионов советских граждан. Такой страшной ценой – морем пролитой крови – досталась нашему народу победа над немецким фашизмом.

О войне принято писать ее непосредственным участникам. Но самым юным из них в начальный ее период – девятнадцатилетним – сейчас уже девяносто три, и лишь малая толика их перешагнет этот почтенный рубеж. Рассказывать о тех днях, которые человечество не должно забывать, скоро станет просто некому.

Но тот военный пожар и разруху видели и расширенные от ужаса детские глаза, впитывала впечатлительная детская память. Им тоже есть что вспомнить. И надо поспешить услышать их голоса, пока они еще звучат во Вселенной. Ведь это последние, тоже уже быстро уходящие из жизни, свидетели той далекой трагедии.

Идея данной книги возникла совершенно случайно. Как это нередко бывает в пожилом возрасте, я затеял однажды писать воспоминания. И начинать их надо было, как ни крути, с военного лихолетья. Фрагменты пережитого в те годы были опубликованы в газете «Во славу Родины» под названием «Детство, опаленное войной». Расширенный вариант напечатал журнал «Белая Вежа» в статье «Война детскими глазами». Потом мне как-то попала в руки книга Елены Жоли «Победа любой ценой», где собраны уникальные интервью с ветеранами Великой Отечественной. И я подумал: «А почему бы не дать слово уцелевшим детям войны, которые невольно стали ее заложниками? Ведь она рикошетом калечила их души и судьбы. В каждые из 1418 ее грозных дней погибало, по статистике, 13 000 детей, женщин и стариков. А сколько стало калеками!»

Я рад, что замысел поддержали мои коллеги – ученые, изучающие природу. Многие из них, пережив войну, смогли достичь больших успехов в разных областях науки. А ведь этого могло и не быть, попали они под каток смерти еще в детстве.

Не раз приходилось слышать и читать, что ветераны Второй мировой неохотно рассказывают о военных буднях. Даже спустя десятки лет тяжел для них этот кровавый след в памяти. Похожее испытывают и дети войны. Страхи от бомбежек, артолетов, перестрелок, от растерзанных взрывами тел, от неприятных встреч с самими завоевателями до сих пор живут в их израненных душах. Кому охота снова окунаться в перенесенные некогда страдания? Один из моих близких товарищей, не склонный к эмоциям, рассказывая о тех суровых годах, дважды начинал плакать. Так сильно волновался.

Ушедшая в историю война не перестает ужасать тех, кто в ней участвовал или видел ее последствия. Я сужу об этом и по собственным ощущениям. В дни наступления на Смоленск, подавляя огонь советских зениток за околицей, немецкие самолеты сбросили восемь авиабомб и на нашу деревеньку. Жуткий их визг помнится всю жизнь. Казалось, что они летят прямо на голову. И теперь, когда я смотрю фильм или военную хронику и вижу, как на мирные селения сыплется сверху смертоносный груз, становится не по себе. Потому как знаю, что чувствуют под ним люди. Врагу такого не пожелаешь!

В книге собраны воспоминания пятнадцати ученых-натуралистов, с которыми я знаком лично и хорошо знаю их научные труды. В действительности таких людей неизмеримо

больше. Но нельзя объять необъятное, да и силы уже не те. Тем не менее, надеюсь на продолжение работы. Потомки должны знать, что такое война и какой след она оставляет в детских душах. Низко кланяюсь всем, кто поделился своими впечатлениями от увиденного в черные дни фашистского нашествия, об изломанном войной детстве. Очень хорошо о нем сказал Роберт Рождественский в стихотворении «Дети войны»:

*А мы не станем памяти перечить
и вспомним дни далекие,
когда
Упала нам на тоненькие плечи
огромная
недетская беда.
Была земля и жесткой, и метельной,
была судьба
у всех людей одна.
Для нас и детства не было отдельно,
а были вместе —
детство и война.*

Не дай бог, чтобы это кошмарное видение когда-нибудь повторилось!

Леонид Емельянов

Дети войны

*Кое-что лучше не вспоминать,
да позабыть невозможно.*

Булат Окуджава

(вспоминает Иван Лиштван)

Родился 3 ноября 1932 года в деревне Большая Дайнова Воложинского района Минской области. Исследователь в области физико-химии торфа. Академик НАН Беларуси. Доктор технических наук, профессор. Заслуженный деятель науки.

Начало войны для советских войск в Белоруссии сложилось трагически. Фронт был прорван в нескольких местах, в танковых клещах оказались основные силы Красной Армии. Те, кто смог вырваться из окружения, в беспорядке отступали: кто с оружием, а кто и без. Красноармейцы шли по полям, через деревни, держась ближе к лесу, потому что немцы леса боялись. А по дорогам катили немецкие «панцерны»... Было очень страшно. Война. Смерть. Умирать никто не хотел. Одним словом, оккупация и немцы. Хотя поначалу они ничего плохого не делали, но все равно было очень страшно.

Ужас первой встречи с немцами остался в памяти на всю жизнь. В тот июньский день 41-го года я крутился возле будущего дома, который отец строил как раз напротив новенькой хаты деда Богдана. Мама работала на огороде, который располагался рядом. Тепло, поют птицы, жужжат пчелы... Хорошо! И вдруг в эту сельскую идиллию вторгся стрекот двух мотоциклов. Я с криком бросился к матери: «Немцы, мама, немцы! Прячемся!»

В годы войны в Большой Дайнове не было немецкого гарнизона. Да и партизаны, когда они появились, действовали по большей части где-то в стороне. Мы, как и многие крестьяне деревни, жили той же размеренной селянской жизнью, что и до войны. Немцы облагали крестьян определенным налогом на молоко, зерно, мясо, яйца, сено и т. д. За сданную продукцию вначале даже платили. Как-то за сельхозпродукты немцы привезли даже набор посуды – тарелки, ложки, вилки. Но так было только в первые месяцы оккупации. Впоследствии, с ростом партизанского движения, отношение фашистов к местному населению изменилось коренным образом, ужесточилось неимоверно.

Как кошмарный сон вспоминаю это время, когда не один раз находился между жизнью и смертью. Как и другие сверстники – дети войны, испытавшие все ее ужасы и тяготы, рано повзрослевшие, тянувшие на себе груз тяжелой мужской работы. Сегодня их осталось не так уж много. Считаю, что долг ныне живущих – не забывать о них. Не надо их сравнивать с ветеранами войны, фронтовиками; с теми заслуженными людьми, которые ковали победу в тылу; с партизанами и подпольщиками. Это – особые люди, и то, что государство чтит их, более чем заслуженно.

Но верно и то, что дети войны также вынесли на своих плечах такие беды, которые не пожелаешь и врагу. Сколько юношей и девушек попало, к примеру, не по своей воле в Германию и оккупированные ею страны? В институте у нас работали двое сотрудников, которых подростками вывезли в Германию и использовали там в качестве доноров. Из них сосали кровь!!! Разве такое можно забыть?

Оккупация... Тяжелое для детей бремя. Но школа работала, нас учили. Не немцы, а преданные Родине учителя. Учили по советским учебникам, которые скрывались от оккупантов и их прихвостней – полицаяв. Конечно, такую учебу полноценным учебным процессом можно

назвать лишь условно, и все же дети усердствовали, получая пусть разрозненные, пусть отрывочные, но знания.

С развитием партизанского движения и ответных карательных акций оккупантов наш молодой учитель (к сожалению, не запомнил его имя) часто говорил ребятишкам: «На сегодня хватит. По домам! Предупредите родителей о том, что в соседней деревне сожгли несколько домов. За связь с партизанами».

Здесь Иван Иванович высказал и свое отношение к поведению крестьян во время оккупации, которое, по его убеждению, было разным.

«Западники», увы, были настроены не так патриотично, как крестьяне-«восточники». Еще во времена польского панства «западники» надеялись, что поляки что-то им дадут. Напрасные мечты! Даже поговорка родилась: обещал пан бычка, а дал тычка. На те же грабли наступили «западники» с приходом немцев: думали, что немец им что-то даст. Наивные расчеты, конечно. Немцы никогда никому ничего не давали. Они только брали!

Часть юношей из Большой Дайновы и соседних деревень были мобилизованы в так называемые вспомогательные войска. Они носили форму серого цвета, стояли гарнизоном в Воложине, охраняя немецкие коммуникации – железные дороги, мосты и т. д. Впоследствии судьба этих парней была очень непростой.

Очень важно в связи с затронутой темой вспомнить и такой момент. После 1939-го года у власти в Западной Белоруссии оказались бедные люди. А почему они были бедными? Потому что или не хотели, или в силу разных причин не могли вкалывать до седьмого пота, как другие. Но помахать руками, покричать на сходе, это – пожалуйста. «Горланы-главари» – так, кажется, называл их великий пролетарский поэт.

Когда началась оккупация, часть этих людей ушли в лес и стали считать себя партизанами. Но какие это были партизаны, можно судить хотя бы по такому факту: узнав, что у отца имеются в наличии кожаные сапоги и шерстяной костюм, пришли в его дом и забрали эти вещи. Под угрозой расстрела, поставив хозяина дома к стенке. Лжепартизаны! Мародеры! А как поступают с мародерами во всех воюющих армиях мира? Однозначно! К сожалению, факт этот был далеко не единственный на фоне той организованной партизанской борьбы с немцами, которую вели патриоты.

Я с большим почтением отношусь к советским солдатам, попавшим в окружение, а затем в плен в роковом 41-м году. Многие из тех, кому удалось вырваться, осели по деревням, стали «примаками» или нанялись к хозяевам. У нашего соседа был такой работник – Иван, кажется, из Воронежской области. Высокий, здоровенный парень, с которым я очень подружился. В шутку он называл себя Иваном Большим, а меня – Ваней Маленьким. Иван Большой был оптимистом, всегда находил ответы на самые «проклятые» вопросы. Дружески похлопывая меня по плечу, неизменно твердил: «Все будет хорошо. Вот увидишь, Ваня!»

Но однажды в один из апрельских дней все «восточники» из нашей и соседних деревень ушли в лес. В партизаны. У них была своя организация, свои командиры. Вот эти люди и стали ядром настоящих партизанских отрядов.

Все «восточники» ушли, а мой друг Иван почему-то остался. Замешкался, наверное. Его арестовали и повели двое полицаев. Но вот Иван, выбрав удобный момент, схватил левой рукой одного, правой – другого. Разом сдвинул и стукнул их лбами. Те дружно рухнули в кусты. Захватив карабин полица, Иван исчез в густом лесу. Все это произошло мгновенно, но осталось в моей памяти навсегда. С той поры и началась в нашем краю настоящая партизанская борьба с немецкими оккупантами.

В институте торфа, которым я руководил, многие годы работал Герой Советского Союза Федор Алексеевич Малышев. Вот это был истинный лесной боец! Он партизанил с начала войны и подорвал 18 эшелонов с боевой техникой и живой силой противника. Малышев много рассказал тогда, как организовывалось партизанское движение, о боевых делах народных мсти-

телей, об особенностях партизанского быта, о лжепартизанах и о фактах борьбы с ними партизан настоящих...

Однажды ночью, перед Рождеством, в дверь нашего дома постучали. В это морозное время крестьяне обычно закалывали кабанов, коптили мясо, засаливали сало. Словом, готовили продукты питания для семьи на целый год. Так было и теперь.

В дом вошли пятеро военных в коротких кожаных куртках, с автоматами. В форме бойцов Красной Армии, что поразило больше всего. Вся семья, конечно, застыла в ужасе. Ходили слухи, что если приходили так называемые лжепартизаны, то они уносили все подчистую. Не оставляя ничего хозяевам. Могли и убить, такое тоже случалось.

Но здесь все пошло по-иному. Старший из пришедших попросил хозяйку: «Сварите нам большой горшок картошки. Если у вас есть соленые огурцы или капуста квашеная, пожалуйста, дайте нам». А сами вышли во двор, чтобы не мешать. Мать захлопотала у печи. Отварила картофель «в мундирах». На стол поставила большую миску огурцов и миску капусты. От себя решила зажарить сковородку сала. Партизаны в это время были во дворе, курили, разговаривали. Затем хозяйка пригласила их кушать.

За стол сели, кажется, более десятка человек. Стульев тогда, понятно, не было. Имелись большие лавки. Партизаны достали свои консервы, свой хлеб и принялись за еду. И тут мать ставит перед ними сковородку с жареной свиной. Но партизанский командир отказывается: «Мы вам это не заказывали. Оставьте себе».

Правда, она настояла на своем – мол, угощаем от души. Партизаны с аппетитом съели все, что было на столе, выпили кипятка с деревенскими душистыми травами, потом встали, поблагодарили хозяйку и сказали, что они идут минировать железнодорожную линию Минск-Гродно. И тут один из них обратился к отцу: «Наш товарищ сильно натер ноги. Мы хотели бы оставить его на время у вас, но если вы боитесь...» Папа на это ответил: «Действительно, боимся. Вы же знаете, как жестоко расправляются немцы с теми, кто помогает партизанам. Потом, кто-то наверняка уже видел, как вы прошли к нам, могут донести... Понимаете? Лучше я дам вам свою лошадь с санями». А что такое в хозяйстве лошадь с санями, объяснять не надо.

Командир согласился и заверил: «Вы не беспокойтесь, на следующую ночь мы обязательно вернем вам все». Отец, конечно, волновался, переживал: а вдруг обманут! Но через день лошадь с санями уже стояла на нашем подворье.

Именно такие, настоящие партизаны сыграли огромную роль в развертывании партизанской борьбы. Это были люди, настроенные патриотически, любящие свою родину, землю, Отечество.

Как-то в деревню приехала группа немцев, собрали детей, погрузили их в машины. Родителям сообщили, что детей взяли перебирать картофель на бывшую помещичью усадьбу. Но... привезли на железнодорожную станцию, в десятке километров от Воложина. По моему сегодняшнему размышлению, их планировали отправить в Германию, в рабство. Но что-то у фрицев не сложилось. Оказывается, и у пунктуальных немцев бывали нестыковки.

Продержав детей целый день, их затем отпустили по домам, где родители уже не находили себе места. Так я избежал возможной гибели в первый раз.

Во второй раз это случилось во время облавы. Немцы окружили деревню. Плач, крики. Соседнюю уже сожгли – за связь с партизанами. То, что они часто бывают и в Большом Дайнове, оккупантам было известно. И вот всех жителей согнали в сарай. Судьба деревни была предрешена. Я в этот момент находился возле строящегося дома, где и спрятался.

Но что делать дальше в такой непростой ситуации? Оглядевшись, заметил, что из полицейского оцепления староста деревни Лиштван (он был однофамильцем, но не родственником) ведет корову. Я сообразил: старосту выпускают за запретную черту. Подбежал к нему (староста, конечно, меня знал) и стал как бы помогать вести животное. Так и вышел из немецкого

окружения. Судьба самого старосты оказалась трагичной. После прихода советской власти он был осужден как немецкий пособник, сослан в Сибирь, где и затерялись его следы.

После нашего выхода из немецкого оцепления, пути с Лиштваном-старостой разошлись. Разразился ливень, и я пошел в лес. И заблудился. А в это время в деревню приехал немецкий офицер высокого ранга и дал команду распустить по домам задержанных жителей. Родные вернулись в хату, а ребенка нет. Начали искать. Разыскивали двое суток, пока я сам не вышел на какую-то деревню. А уже оттуда дали знать родителям, что мальчик нашелся.

Еще один случай накрепко врезался в память. Жители деревни вели заготовку строевого леса и вывозили его на железнодорожную станцию. Немцу-охраннику показалось, что один из сельчан спилил плохую сосну. Этого крестьянина начали истязать плетьюми. Я не выдержал и крикнул что-то негодующее. В отместку фриц ударил и меня плетью. А мог бы спокойно застрелить!

Это только несколько запомнившихся эпизодов из детской жизни. Я видел смерть, видел, как расстреляли двух советских военнопленных и многое другое, на что лучше бы ребенку не смотреть.

Не забывается и такой случай. Отец многие годы страдал от тяжелого ранения в бедро. Рана очень долго не заживала. А лекарями в то время были главным образом евреи. Во время войны их преследовали особенно жестоко. А у нас возле дома существовал сарай, в котором хранилось зерно, лен, сено. Последнее клалось на специальные деревянные полаты. А чтобы сено могло «дышать», между полатами и землей оставляли промежутки. Человек некрупной комплекции мог там свободно пролезть.

Однажды я обнаружил там незнакомых людей – мужчину, женщину и двоих детей – и сообщил об этом папе. Оказалось, что это была еврейская семья из Воложина. Они хорошо знали отца – лечили его и надеялись найти в его семье временный приют. А тогда повсюду висели приказы германского командования о суровых мерах наказания для тех, кто прятал военнопленных, коммунистов, евреев или оказывал им помощь. Но людей надо было спасать... Еврейская семья пробыла у нас некоторое время, затем ее снабдили продуктами питания, и она незаметно покинула сарай, отправилась дальше по намеченному ею маршруту.

Во время оккупации на человека с оружием в руках смотрели со страхом. Если поблизости появлялись немецкие солдаты, население, как правило, пряталось. Боялись и немецких самолетов, которые зачастую летали довольно низко: немцы выслеживали с воздуха лагери партизан. Особенно гонялись вражеские летчики за лыжниками. В их представлении любой лыжник – это и был ненавистный им партизан. Поэтому, когда мы со сверстниками замечали эти самолеты, то бросали палки и застывали неподвижно на месте.

Много было в войну разных эпизодов. Очень часто семья уходила ночевать к родным на хутора, чтобы на следующий день вернуться домой. Всего боялись. Боялись за свое хозяйство. Боялись за свою жизнь. Жили с оглядкой.

Однажды детей отпустили из школы пораньше – немцы бесчинствовали в соседней деревне. Я стал упрашивать родителей уйти в партизанскую зону. Но отец не мог на это решиться по состоянию здоровья. Единственное, что он сделал, – неподалеку от дома соорудил блиндаж с полатами, на которых лежало сено, а сверху одеяла. Мы часто прятались в этом убежище. Маскировка была слабенькая, но все же это как-то успокаивало. Правда, младшая сестра Галя, родившаяся в 1939-м году, могла своим криком выдать местонахождение семьи, когда она пряталась в блиндаже или в другом месте. Но Бог миловал.

Шла жесточайшая война, и опасность угрожала отовсюду. Как же трудно психологически каждый день быть в невероятном напряжении, ожидая в любой миг самого страшного!

Во время стремительного наступления советских войск в Белоруссии летом 44-го многие соединения противника оказались в многочисленных «котлах». Фронт ушел далеко на запад – в Прибалтику и Польшу. Но в нашем краю еще оставались многочисленные немецкие группы,

которые упорно шли на запад. Шли ночами, днем – отлеживались в лесах. И эти фрицы были очень злые, жестокие. Они брали все, что попадало под руку, – сало, масло, яйца. Но в первую очередь забирали лошадей и повозки: среди отступавших было немало раненых.

Подростки, в числе которых был и я (а мне в 44-м уже шел двенадцатый год), угоняли по ночам лошадей в самые глухие места лесов, где прятали их от немцев. И вот однажды я не смог отправиться в ночное со сверстниками, остался ночевать дома. Замешкался из-за того, что отец задержался на работе... Одна из немецких колонн наткнулась на группу ребят, в которой должен был быть и я. Фашисты зверски расправились с захваченными людьми: положили их на землю и убили выстрелами в сердце. Судьба оказалась милостива ко мне и в этот раз! Среди погибших находился мой двоюродный брат Миша. Из-за того, что кругом шли бои, Мишу не смогли захоронить сразу, и его тело пролежало в погребке несколько дней.

*Война такой вдавила след
и столько наземь положила...*

Эти суровые симоновские строки часто приходят мне на память.

(Из книги В. А. Алешко. Академик Иван Иванович Лиштвайн. Ученый и человек / В. А. Алешко. – Мн., 2008. – С. 24–32.)

Враги сожгли родную хату

(вспоминает Виктор Парфенов)

Родился 23 сентября 1934 года на хуторе близ деревни Прудки Починковского района Смоленской области. Исследователь в области ботаники и экологии растений. Основатель белорусской флористической школы. Академик НАН Беларуси. Доктор биологических наук, профессор. Заслуженный деятель науки. Лауреат государственной премии в сфере науки.

Всегда с болью в сердце я воспринимаю любое упоминание о войне. Да, война – это страшное зловещее событие, разрушающее все вокруг, делающее одних людей орудием зла и насилия, коверкающих и ломающих судьбы других. Жутко вспоминать многокилометровые колонны пленных, слезы и натруженные руки женщин-вдов, получивших похоронки на своих близких, свежие могильные холмики вдоль проселков и большаков, подорвавшихся на минах и снарядах мальчишек-сверстников.

Но в самом начале война громыхала где-то далеко от нас. И только тогда, когда наши истребители, поднявшиеся с Шаталовского аэродрома, подбили немецкий бомбардировщик (примерно через неделю после начала войны) и посадили его вблизи райцентра, война вдруг стала явью. Все взрослые и особенно мы, дети, с нескрываемым любопытством смотрели на большой самолет со зловещими черными крестами, оцепленный милиционерами, и его членов экипажа – настоящих немцев-фашистов, одновременно надменных и испуганных.

Далее события развивались очень быстро: вечерами и ночью мы видели зарево полыхающего Смоленска, со стороны Белоруссии потянулись колонны беженцев. Многие из них останавливались в нашей деревне и рассказывали об ужасных картинах, увиденных на пути бегства. И сами мы уже нередко наблюдали эскадрильи самолетов-бомбардировщиков, летевших по направлению к Москве. И, наконец, где-то в начале июля после сильного артиллерийского обстрела на одной из близлежащих дорог появилась колонна немецких танков. Они прошли от начала до конца деревни и развернулись назад. Танки имели зловещий вид, в открытых люках стояли самодовольные немцы-танкисты в черной форме. Это, по всей вероятности, был разведывательный отряд армии Гудериана. Кстати, в период Смоленского сражения и кровопролитных боев за «ельнинский выступ» в нашей деревне около месяца находился штаб фельдмаршала. По этой причине деревня была заполнена немецкими солдатами полевой жандармерии.

Наступили дни немецкой оккупации. Отовсюду с окрестных сел, расположенных ближе к партизанским зонам, доходили слухи о бесчинствах немцев. У нас, к счастью, жизнь проходила спокойно, внешне деревня жила своей обычной жизнью. Более того, на первых порах по любой жалобе жителей власти предпринимали меры против фактов мародерства, даже выплачивали денежную компенсацию. Однако в конце первого года войны, после разгрома немцев под Москвой, ситуация изменилась – оккупанты стали злее, и жители деревни старались не попадаться им (особенно военным патрулям) на глаза.

Но и в русле оккупационных порядков жизнь продолжалась, даже начала функционировать начальная школа, в первый класс которой я поступил в сентябре 1942 года. Учительница была местная – Евдокия Никитична Калинкина. Новых учебников не было, и пользовались чудом сохранившимися советскими, разумеется, проверенными немецкой цензурой, в которых были заклеены некоторые рисунки и портреты советских вождей. Происходящие события в школе не обсуждались. Курировал ее какой-то военный чин в офицерской форме, который при каждом визите передавал нам школьные принадлежности, а позже привез и учебники уже немецкого издания. Собрав хорошо успевающих учеников, он подолгу беседовал с учительни-

цей и задавал нам вопросы. Я думаю, что наша школа была образцом какой-то экспериментальной тестовой школы селекционного направления, с целью последующего «онемечивания» оккупационных территорий.

Пропитание зарабатывали, занимаясь сельским хозяйством – колхозную землю разделили всем жителям. Нам как малосемейным досталась, помимо приусадебного огорода, узкая полоска пахотной земли шириной три метра и длиной более километра (между двумя речушками) на водоразделе за деревней. С утра до ночи мы все трудились на этой земле. Как я уже отмечал, на игры со сверстниками времени оставалось немного – все были заняты трудом.

Иногда мы и тяжелую физическую работу превращали в игру. Самым желанным мероприятием была у нас заготовка и доставка торфа из болота на топливо зимой. Мы смастерили одноколесные тачки, грузили на них мешки с кусками торфа и гуськом возвращались в деревню; и так один-два раза в день, когда были свободны от основной работы. С удовольствием пасли также лошадей в ночном. Собиралась компания 5—10 мальчишек, и с превеликой радостью мы мчались на лошадях к месту пастбища. И там, вдали от взрослых, проводили время по своему усмотрению, пока не уставали. А потом дружно вповалку засыпали.

В один из таких счастливых дней произошла трагедия. Ребята постарше из разряженного минометного снаряда выплавляли тол, поджигали и с таким ярко горящим факелом обходили ночью лошадей, отпугивая волков и просто балуясь. Это было уже привычное занятие. Но на сей раз в одном из снарядов головка со взрывателем не вывинтилась, как обычно, а обломилась (взрыватель остался в снаряде). Этому мальчишки, очевидно, не заметили и положили снаряд в костер, чтобы извлечь тол. Неожиданно раздался страшный взрыв, и всех нас отбросило от костра. Многие из ребят погибли на месте, другие получили тяжелые ранения.

Я чудом остался жив, потому что в числе младших по возрасту «минеров» был отеснен старшими от костра (соблюдалась иерархия) и получил меньше разлетающихся осколков. Тем не менее, три из них остались во мне на всю жизнь. Немец-фельдшер, хотя и был педантичным, но все же не доглядел их при обработке ран в маленьком детском теле. Взрыв тот стал трагедией для всей деревни и особенно для родителей погибших и раненых ребят. К сожалению, подобный случай повторился и в соседней деревне Пивовке, но там из 7–8 мальчишек никого не осталось в живых.

А на следующий год едва не произошла трагедия в нашей семье. Поздней осенью 1942 года мы вернулись после очередного выселения в родную хату, которую до этого использовали немцы. Первым делом мама решила нас искупать. Сначала провела санобработку и уложила меня в постель в передней части хаты. Затем искупала сестричку и повела в дальнюю комнату укладывать ее спать. И в этот миг грянул взрыв. Печь, на которой только что нас купали, разлетелась вдребезги, а корыто и часть кирпичей взрывной волной впечатало в потолок. Возможно, со стороны немцев это был злой умысел. Но не исключая, что какой-то немец-разгильдяй просто забыл взрывное устройство, которое чуть не погубило всю нашу семью. На волосок от смерти мы оказались и еще раз – при ночной бомбежке склада с боеприпасами на нашем деревенском кладбище. Тогда бомба угодила в сарай и ранила корову. Но бог опять нас миловал, и мы чудом остались живы.

Повезло нам и в конце оккупации. По поведению немцев в нашей деревне было видно, что назревают серьезные события не в их пользу, что они собираются отступить. Срочно было объявлено, чтобы все жители окрестных деревень собирались на перекресток у шоссе на дорогах Смоленск – Рославль и Починок – Монастырщина. Поскольку в деревне мужчин не осталось, то женщины, поддавшись общей панике, ринулись с детьми к пункту сбора. Но нашлась какая-то разумная голова, которая сообразила, что немцы собирают нас, чтобы расстрелять, и посоветовала бежать от этого перекрестка куда подальше. Что люди и сделали, рассеявшись по отдаленным деревням, зарослям и оврагам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.